

ЮБИЛЕЙ Аве, Майя

Юбилей Майи ПЛИСЕЦКОЙ отмечают всем балетным миром

В Большом театре собрались лауреаты конкурса ее имени, звезды балета, приехал Варшавский оперный театр с постановкой «Кармен-сюиты» гениального шведа Матса Эка.

Майя Плисецкая в платье от Пьера Кардена, как всегда, неподражаема. Изяществу этой женщины нет равных. Как нет равных ей в балетном искусстве. Она никогда не хотела и не умела ждать милостей от судьбы. Поняв однажды, что золотой дождь сам на голову не прольется, Майя Михайловна взяла судьбу в собственные руки. И стала осуществлять свои проекты — фильмы, где играла драматические роли и танцевала, спектакли с Морисом Бежаром и Роланом Пети, конкурс «Майя».

Она отвечает на вопросы, грациозно наклонив голову, благожелательно, чтобы не испортить праздник, и нетривиально, чтобы сохранить верность себе. Низкий голос звучит размеренно и завораживающе.

— Майя Михайловна, как вам удается сохранять форму?

— Знаете, я получала в жизни множество цветов и имела возможность наблюдать за ними. И вот что я заметила: несмотря на то, что все цветы я одинаково подрезала и меняла воду, из пятидесяти роз в букете одна не увядала и стояла свежей. Думаю, на людей это тоже распространяется.

— Что для вас танец?

— Говорят, что сначала было слово. Но я считаю, что сначала был жест. С него все началось. Самое выразительное, что есть на свете, — это жест.

— Много лет вы танцевали в «Кармен-сюите» Альберто Алонсо. На вашем вечере этот спектакль был показан в постановке Матса Эка. Вы могли бы себя представить в его балете, будь он создан раньше?

— Спектакль меня сразу потряс. Я

была в восторге и от хореографии Эка, и от исполнения главной роли его женой Анной Лагуной. Я видела его в Мадриде, в Лионе, много раз на видео. Это даже не балет, а другое искусство — настолько все в нем ново, свежо. Даже не знаю, могли бы мы понять этот стиль лет тридцать назад. Трудно сказать, произошло бы у меня совпадение с этой эстетикой — такой оригинальной, странной, потрясающей.

Сейчас в «Кармен» уже другие исполнители, в Москве показывали версию из Варшавы, и сам любимый мною Матс Эк приехал, чтобы присутствовать при первом показе в Москве своего спектакля.

— Вы исполнили новый номер «Аве Майя» Мориса Бежара. Это тоже московская премьера?

— «Аве Майя» — поздравление Бежара. Номер длится всего три минуты, но не будем забывать, что и фокинский «Лебедь» — тоже лишь три с половиной минуты. «Аве Майя» — миниатюра на музыку Баха и Гуно, очень красивый номер. Я счастлива, что получила такой подарок.

— Вы не задумываетесь о том, что рано или поздно придется покинуть сцену?

— Мне не дают уйти. Все время возникают какие-то новые проекты. Только что я в двадцать восьмой раз вернулась из Японии, где играла в театре «Но» Царицу Луны, точнее — Принцессу, которая с Луны спускается на Землю. Этой легенде 600 лет. В труппе я была единственной не японкой. Было невероятно интересно соприкоснуться с традиционной японской манерой исполнения, древней пластикой, жестами. Когда случаются такие предложения, думать об уходе со сцены некогда. Вот и сейчас швейцарцы предложили исполнить «Историю солдата» Стравинского

вместе с Жераром Депардьё. Он будет читать авторский текст, а я изображать Солдата, скрипку и черта. Премьера планируется через несколько месяцев.

— Что стало для вас открытием в искусстве в последнее время?

— Невероятно двинулся вперед балет. Такой техники и совершенной чистоты раньше не было. Я вижу в этом влияние видео и спорта. В спорте все рекорды 10 — 15-летней давности побиты. В балете — то же самое. Что касается открытий в искусстве, меня потрясла книга Ильи Гилилова о Шекспире. Я всегда сомневалась в подлинности автора по имени Шекспир. Была уверена, что эти пьесы написала Мария Стюарт: она провела 18 лет в заточении, после нее остался ларец со стихами, сонетами. Все это я играла в спектакле о Марии Стюарт, поставленном в Мадриде 12 лет назад Хосе Гранеро. Гилилов убедил меня, что шекспировские пьесы написаны не королевой Шотландии, а графом Рэтлендом. Всем,

кто еще не прочел его книгу, я настоятельно рекомендую это сделать. Недаром же Марк Твен называл Шекспира самым знаменитым из несуществовавших писателей.

— Есть ли у вас преемники, о которых можно сказать, что они танцуют, как вы?

— Есть ли преемники у Рембрандта? Каждый артист индивидуален. Я далеко не в восторге от самой себя. Подражателей, которые танцуют, «как я», — море. Но скопировать манеру художника невозможно. Никто не поет, как Карузо или Шаляпин.

— Думаете ли вы о новых сольных партиях?

— Я не ненасытна. Мне хватило «Анны Карениной», «Чайки», «Дамы с собачкой», работы с западными хореографами и классического репертуара. Единственное, что мне бы еще хотелось сыграть, — это какую-нибудь мистическую роль в кино, как у Хичкока.

Наталья КОЛЕСОВА